

Нет автора

Вопросы философии и психологии

Книга 39

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 101
ББК 87
Н57

Н57 **Нет автора**
Вопросы философии и психологии: Книга 39 / Нет автора – М.: Книга по Требованию, 2021. – 404 с.

ISBN 978-5-458-04688-6

Вопросы философии и психологии. Состоит из 137 книг.

ISBN 978-5-458-04688-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Способности и развитіе философствующаго ума*)

(Окончаніе).

5. Основной законъ развитія философствующаго ума.

Представивъ характеристику главныхъ типовъ философствующаго ума, переходимъ теперь къ опредѣленію ихъ значенія въ исторіи философіи. Это дастъ намъ возможность рассмотретьъ ближе законъ развитія философствующаго ума, какъ явленія общечеловѣческаго.

Послѣдовательность, въ которой мы говорили выше о діалектическомъ, критическомъ и конструктивномъ умахъ, какъ о главныхъ типахъ философствующаго ума, тѣсно соединяясь съ сущностью философіи, представляетъ намъ вмѣстѣ съ тѣмъ постепенное осуществленіе этой сущности, то есть разрѣшеніе задачъ философіи въ ея исторіи. Діалектика со своими общими понятіями, распределенными по разрядамъ соотвѣтственно субъективному правдоподобию; затѣмъ критика, имѣющая свою исходную точку въ сомнѣніи, а цѣль свою—въ анализѣ предметовъ познанія; наконецъ научная система философскаго знанія, какъ цѣльное міровоззрѣніе, согласное, по возможности, съ дѣйствительною организаціей вселенной,—это, собственно говоря, три основные момента, въ которыхъ поочередно выражается трудъ мысли надъ разрѣшеніемъ задачъ философіи и которые вмѣстѣ съ тѣмъ позволяютъ найти основной законъ ея развитія.

*) См. 38-ю книгу «Вопрос. филос. и психол.».

Созданіе общихъ понятій, соединяющихъ въ себѣ хаотической матеріалъ ежедневнаго опыта, и самостоятельный полетъ мысли на фонѣ этихъ общихъ понятій, для удовлетворенія субъективнымъ потребностямъ духа, составляютъ всегда и вездѣ естественную исходную точку для всякой философіи. Затѣмъ быстро слѣдуетъ реакція, извѣстное разочарованіе и недоверіе къ непосредственнымъ образованіямъ мысли. Благодаря жизненному опыту, они оказываются или неосновательными, или прямо фиктивными, несогласными съ истиною. Философствующій умъ впадаетъ тогда въ объятія сомнѣнія, изъ котораго онъ можетъ освободиться единственно съ помощью всесторонняго анализа непосредственныхъ образованій мысли и всякихъ вообще взглядовъ, признанныхъ въ первую минуту несомнѣнною истиною. И вотъ теперь является новое начало въ развитіи умственной жизни, начало критики, сомнѣнія, анализа. Оно обнаруживается въ стремленіи къ отыскиванію составныхъ элементовъ мысли и бытія, къ опредѣленію окончательныхъ фундаментовъ объективнаго знанія, насколько они доступны для аналитическаго труда мысли. Наконецъ, умъ чувствуетъ необходимость мысленнаго возстановленія дѣйствительности изъ ея отдѣльныхъ частей и со всѣмъ напряженіемъ энергіи приступаетъ къ положительному труду надъ системой философіи, которая въ формѣ мысли представляла бы объективный міръ какъ можно вѣрнѣе, согласно съ требованіями научнаго метода. Этимъ и оканчивается теоретическая работа философствующаго ума, уступая затѣмъ мѣсто практической дѣятельности, примѣняющей къ жизни результаты познанія истины. Но такъ какъ познаніе истины составляетъ для человѣка задачу, никогда не оканчивающуюся, то и не удивительно, что въ исторіи человѣчества мы находимъ все новыя и новыя усилія расширить и углубить предѣлы знанія, по представленному общему типу развитія.

Въ указанной послѣдовательности типичныхъ проявленій философствующаго ума мы находимъ бросающуюся въ глаза аналогію съ главными моментами развитія умственной жизни

человѣка вообще. То-есть діалектическая способность, свидѣтельствуя о первомъ полетѣ философствованія, тѣсно связанная съ субъективною дѣятельностью чувствованія, представляетъ дѣтскій возрастъ въ развитіи философствующаго ума. Этотъ возрастъ отличается свободнымъ полетомъ и живостью мысли. Умъ на этой ступени развитія занимается всѣмъ, но очень поверхностно; вырабатываетъ себѣ понятія обо всемъ, обо всемъ разспрашиваетъ, но удовлетворяется какимъ-нибудь отвѣтомъ и не занимается разборомъ его содержанія. Критика характеризуетъ, напротивъ, юношескій возрастъ въ развитіи философіи. Это возрастъ рефлексіи. Онъ не довольствуется уже традиціонными данными, ни непосредственными образованіями собственной мысли, но начинаетъ сомнѣваться во всемъ и все подвергаетъ разбору съ цѣлью отыскать новые прочные фундаменты для зрѣлой и положительной дѣятельности въ будущемъ. Наконецъ, конструктивный трудъ надъ научною системою философіи—это самое высшее и послѣднее явленіе въ развитіи философствующаго ума; это есть проявленіе мужской зрѣлости, творческой энергіи. Она стремится къ дѣйствию, къ удовлетворенію ясно созерцаемыхъ и достаточно обоснованныхъ потребностей умственной жизни, къ положительной, истинно позитивной философіи.

Такимъ образомъ, эти три момента: діалектика, критика и научная система философіи,—наглядно представляютъ послѣдовательность основныхъ функцій философствующаго ума. Они изображаютъ ходъ философской мысли съ самаго начала до окончательнаго осуществленія ея стремленій. Они поэтому и составляютъ основной законъ развитія философствующаго ума, законъ, истекающій какъ изъ природы ума, такъ и изъ сущности самой философіи.

Все вышесказанное требуетъ, разумѣется, нѣкотораго объясненія и обоснованія.

Психологія доказываетъ, что у дитяти процессъ объективнаго познанія вещей, въ противоположность субъективнымъ чувственнымъ впечатлѣніямъ, начинается обобщеніемъ

извѣстныхъ выдающихся чертъ и примѣтъ внѣшнихъ предметовъ. По недостатку однако выработанной наблюдательности, дитя не замѣчаетъ еще довольно отчетливыхъ различій между предметами. Оно обращаетъ свое вниманіе главнымъ образомъ на рѣзкія черты, вызывающія сильныя чувственныя впечатлѣнія, и, находя затѣмъ тѣ же черты въ другихъ предметахъ, обнимаетъ ихъ однимъ общимъ понятіемъ, несмотря на остальные свойства, отличающія эти предметы другъ отъ друга. Такимъ образомъ оно соединяетъ въ одно понятіе и обозначаетъ однимъ словомъ такія вещи, которыя взрослый человѣкъ различаетъ точно. Для дитяти, наприм., слово „папа“ обозначаетъ долгое время вообще взрослога человѣка, похожаго въ самыхъ общихъ чертахъ на его отца. Такимъ же образомъ возникаютъ въ его умѣ различные классы предметовъ, или общія понятія, при помощи непосредственнаго объединенія предметовъ съ извѣстными выдающимися общими чертами *). Процессъ дифференціаціи этихъ общихъ понятій и перехода къ все болѣе и болѣе частнымъ и точно опредѣленнымъ зависитъ отъ наблюдательной дѣятельности дитяти, отъ обогащенія ума его новыми специальными чертами предметовъ, которыя придаютъ имъ все болѣе и болѣе индивидуальный характеръ. Первоначально же дитя различаетъ предметы на основаніи небольшого числа общихъ чертъ, подмѣченныхъ болѣе или менѣе случайно его не достаточно развитыми умственными способностями.

Въ виду приведенныхъ психологическихъ фактовъ совершенно естественно, что и философствующій умъ, начинающій размышлять о предметахъ, прежде всего останавливается на выдающихся чертахъ и составляетъ по этимъ чертамъ общія понятія, объединяющія всѣ явленія и существа міра. Итакъ, все, что дѣйствуетъ на внѣшнія чувства, соединяется естественнымъ образомъ въ одно общее по-

*) Смотри въ этомъ отношеніи особенно: *H. Taine, De l'intelligence*. 1870. Т. I стр. 39 и слѣд. *Formation des noms généraux chez les petits enfants*; равно какъ и *W. Preyer, Die Seele des Kindes*. 1882, стр. 293 и слѣд.

нѣтіе, обозначаемое словами: *природа, внѣшній міръ, матерія, объективная дѣйствительность*. Оно противопоставляется все-му, что не доходитъ до нашего сознанія съ помощью внѣшнихъ чувствъ и что составляетъ внутреннее содержаніе ума, какъ: чувствованія, мысли, желанія и т. п. *Духъ, душа, идеальный міръ*—это слова, соединяющія въ себѣ этотъ рядъ предметовъ познанія.

Въ естественномъ развитіи человѣка объективированныя чувственныя впечатлѣнія предшествуютъ рефлексивной дѣятельности ума, приводящей насъ къ сознательному воспріятію собственныхъ внутреннихъ состояній, какъ чего-то своеобразнаго, непохожаго на чувственный міръ. Вслѣдствіе того, такія общія понятія, какъ *духъ, душа, идеальный міръ* и т. п., появляются позднѣе и развиваются подъ вліяніемъ прежде уже выработанныхъ понятій: *чувственной природы, матеріальной міра*. То-есть понятія, касающіяся идеальнаго міра, образуются на основаніи аналогіи съ раньше выработанными понятіями о чувственномъ мірѣ, его явленіяхъ и существахъ. Во всякомъ случаѣ, принимая во вниманіе сказанное о первыхъ школахъ греческой философіи, оказывается, что и въ области исторіи философіи общія понятія составляютъ исходную точку для всякихъ дальнѣйшихъ, болѣе подробныхъ философскихъ изысканій.

Признавая, такимъ образомъ, явленія діалектической способности зачатками философскаго развитія, соответствующими дѣтскому возрасту, мы однако не имѣемъ въ виду отрицать ихъ значенія въ дальнѣйшихъ, болѣе зрѣлыхъ отправленіяхъ мысли. Напротивъ, раціональный взглядъ на развитіе вообще, а въ частности и на развитіе умственной жизни, приводитъ къ заключенію, что въ прогрессивномъ развитіи появленіе новыхъ жизненныхъ началъ не устраняетъ нормальнаго дѣйствія предшествующихъ, но обнимаетъ ихъ, оживляетъ и побуждаетъ къ новымъ, болѣе полнымъ проявленіямъ. Вслѣдствіе этого, образованіе общихъ понятій не ослабляется и не останавливается при дальнѣйшемъ развитіи философствованія. Діалектика продолжаетъ

непрерывно свое дѣйствіе и остается всегда одною изъ необходимыхъ функцій ума при правильномъ рѣшеніи задачъ философіи. Пополненіе этой функціи новыми началами на высшей ступени развитія оживляетъ ее и обогащаетъ цѣлымъ рядомъ новыхъ, болѣе зрѣлыхъ образованій, свидѣтельствующихъ о прогрессѣ и въ этой специальной области діалектическихъ обобщеній. Вѣдь и умственные процессы, при помощи которыхъ дитя образуетъ общія понятія и слова, усваиваетъ себѣ рѣчь и самостоятельно пользуется ею, созрѣваютъ вмѣстѣ съ остальными функціями ума и въ связи съ ними развиваются полнѣе, богаче, цѣлесообразнѣе.

Изъ только-что сказаннаго явствуетъ, что слѣдующая за проявленіями діалектики критическая дѣятельность ума вовсе не устраняетъ дальнѣйшаго развитія началъ діалектики, но соединяется съ ними, пользуется ими, исправляетъ ихъ ошибки, вообще пополняетъ ихъ своими новыми умственными приобрѣтеніями. Юноша не перестаетъ образовывать новыя общія понятія; напротивъ, подъ вліяніемъ его субъективныхъ стремленій общія понятія принимаютъ самостоятельный характеръ и обогащаются реальнымъ жизненнымъ содержаніемъ. Тѣмъ не менѣе, рядомъ съ вышеуказанною діалектической функціей, въ юношѣ зарождается новая, мало знакомая ребенку или даже вовсе ему неизвѣстная, рефлексивная, аналитическая, критическая дѣятельность. Догматическое довѣріе дитяти къ истинѣ традиціонныхъ или непосредственно составленныхъ взглядовъ теряетъ, со временемъ, благодаря опыту, свой безусловный характеръ. Въ умъ проникаютъ разныя теоретическія сомнѣнія и практическое негодованіе, вызванныя рефлексивною дѣятельностью мысли. Богатый запасъ субъективныхъ образованій мысли, чувствованій и индивидуальныхъ потребностей противопоставляется все болѣе и болѣе объективнымъ даннымъ, въ особенности неумолимымъ требованіямъ реальныхъ жизненныхъ отношеній. Чѣмъ это противорѣчіе между первоначальными субъективными образованіями ума и объективными условіями бытія развивается сильнѣе въ сознаніи

хоть въ общихъ чертахъ, ихъ воззрѣнія на этотъ предметъ съ выше представленнымъ.

По ученію Гегеля, ходъ философской мысли начинается *тезисомъ*, утвержденіемъ, затѣмъ переходитъ въ *антитезисъ*, отрицаніе, и, наконецъ, уравниваетъ эти начала въ *синтезисъ*, который, принимая современемъ снова характеръ *тезиса*, вызываетъ тотъ же самый процессъ по отношенію къ вновь возникшему содержанію. Такимъ образомъ, обнаруживается на поприщѣ исторіи неизмѣримое богатство философскихъ воззрѣній, приближающихся все болѣе и болѣе къ абсолютной истинѣ.

Этотъ законъ Гегеля имѣетъ нѣкоторое фактическое основаніе въ психическихъ явленіяхъ *акціи* и *реакціи*. Въ самомъ дѣлѣ, не подлежитъ сомнѣнію, что въ живыхъ существахъ всякое дѣйствіе въ опредѣленномъ направленіи, продолжаясь извѣстное время, исчерпываетъ соотвѣтственные силы индивида и вслѣдствіе того влечетъ за собою противодѣйствіе другихъ силъ, съ цѣлью возстановить по возможности равновѣсіе между жизненными отправленіями организма. Этотъ же законъ акціи и реакціи обнаруживаетъ свое дѣйствіе и на поприщѣ умственной жизни. Но Гегель вовсе не сводилъ своего воззрѣнія на ходъ философіи къ этимъ біологическимъ началамъ; онъ оставался вполне въ сферѣ общихъ понятій и довольствовался одною формулировкой упомянутаго закона. Вслѣдствіе этого современная философія обязана ему, въ самомъ дѣлѣ, общею идеей развитія, равно какъ опредѣленіемъ самыхъ выдающихся моментовъ развитія съ точки зрѣнія отвлеченной мысли, каковы: утвержденіе и отрицаніе. Тѣмъ не менѣе, формула Гегеля лишена жизненнаго содержанія, слѣдовательно и дѣйствительной правды.

Въ вопросѣ о развитіи Гегель является представителемъ высокопарной діалектики, не лишенной извѣстнаго значенія по своимъ общимъ понятіямъ, но заключающей въ себѣ единственно неопредѣленные очерки дальнѣйшихъ изслѣдованій на этомъ поприщѣ. Для абстрактныхъ момен-

товъ развитія, утвержденія, отрицанія и синтезиса, почерпаемыхъ имъ изъ дѣйствія отвлеченной мысли, слѣдовало отыскать конкретные моменты, способные наполнить абстрактную формулу развитія жизненнымъ содержаніемъ и этимъ придать самой этой формулѣ характеръ фактической дѣйствительности. Съ этою цѣлью оказалось прежде всего необходимымъ перенести весь вопросъ развитія изъ предѣловъ довольствующейся общими мѣстами діалектики на поприще частныхъ проявленій жизни и исторіи и на этомъ поприщѣ подвергнуть данный фактическій матеріаль критическому разбору.

Эту критическую задачу по вопросу о развитіи философіи старался разрѣшить Контъ. Онъ пришелъ къ своей извѣстной теоріи о трехъ состояніяхъ ума, находящихъ свое выраженіе въ *богословіи*, *метафизикѣ* и *позитивной философіи*. Послѣ преодоленія предыдущихъ ступеней развитія, послѣдняя представляетъ, по Контю, самое высшее и единственно научное начало философіи.

Приведенный взглядъ Конта представляетъ, безъ сомнѣнія, значительный прогрессъ въ сравненіи со взглядомъ Гегеля. Прежде всего вступаетъ здѣсь въ свои права начало критическое. Контъ не высказываетъ своей формулы развитія философіи только догматически, съ непосредственнымъ довѣріемъ къ истинѣ своихъ субъективныхъ изображеній, какъ это дѣлалъ Гегель; онъ чувствуетъ уже потребность оправдать свою формулу объективными данными, психологическими и историческими. По Контю, законъ развитія долженъ быть результатомъ изслѣдованія умственной жизни человѣка и его исторіи при помощи специальныхъ наукъ, и онъ, въ самомъ дѣлѣ, до извѣстной степени попытался выяснитъ эти психологическія начала развитія философіи. Но, съ другой стороны, при ближайшемъ разсмотрѣніи дѣла, оказывается, что Контъ въ своей критикѣ подчинялся исключительно отрицательнымъ, оппозиціоннымъ тенденціямъ, вмѣсто того, чтобы имѣть въ виду положительные факты и выводить изъ нихъ свои заключенія. Вслѣдствіе этого,

несмотря на претенціозное названіе *позитивизма*, онъ является и въ этомъ вопросѣ представителемъ скорѣе негативнаго начала, чѣмъ положительнаго; онъ разрушаетъ, но не строитъ.

Итакъ, не трудно прежде всего замѣтить, что самая идея развитія имѣетъ у Конта характеръ преимущественно отрицательный. Развитие не основывается, по его мнѣнію, на воспріятіи настоящихъ достояній прошлаго, на непрерывномъ дѣйствіи основныхъ отправленій ума и на высшихъ ступеняхъ развитія, но совершается исключительно при помощи уничтоженія предыдущихъ началъ развитія послѣдующими,—слѣдовательно, путемъ безусловнаго отрицанія. Метафизика, какъ вторая ступень развитія философіи, является, по Конту, отрицаніемъ богословія, а позитивная философія, какъ высшая ступень, служитъ отрицаніемъ метафизики. Такимъ образомъ не удивительно, что изъ такой суммации отрицаній не можетъ выйти ничто позитивное, въ истинномъ значеніи этого слова. Вся философія Конта, насколько она оригинальна, исчерпывается совершенно отрицательною критикой.

Кромѣ того, „великій законъ“ Конта хромаетъ вслѣдствіе недостатка точности въ самомъ опредѣленіи основныхъ началъ развитія философіи. Богословіе, даже по опредѣленію Конта, какъ поэтическое олицетвореніе силъ природы, во все не есть явленіе философское. Оно истекаетъ изъ дѣйствія своеобразнаго начала умственной жизни, которое въ своемъ развитіи не создаетъ вообще никакой философіи, слѣдовательно и не можетъ служить исходною точкой для развитія позитивной философіи. Начало это находитъ свое выраженіе въ религіи. Религію же самъ Контъ признавалъ своеобразнымъ явленіемъ въ сравненіи съ философіей, и поэтому рядомъ съ позитивной философіей старался основать и новую, позитивную религію. Въ виду этого, какое можетъ имѣть значеніе для развитія философіи богословіе, связанное тѣснѣйшими узами съ религіозными вѣрованіями? На какомъ основаніи богословіе можетъ быть признано

первымъ составнымъ началомъ, исходною точкой всего развитія философіи какъ философіи? Мы понимаемъ значеніе религіи, слѣдовательно и богословія, въ общемъ развитіи умственной жизни человѣка; оно представляется совершенно наглядно въ исторіи религіи и богословія. Но поэтому именно мы не можемъ признать его переходнымъ моментомъ въ развитіи ума вообще, ни одною изъ формъ, хотя бы первобытною, философіи. Напротивъ, мы вынуждены видѣть въ немъ одно изъ основныхъ явленій умственной жизни, развивающееся параллельно съ философіей отъ первыхъ своихъ зачатковъ до полной зрѣлости.

Изъ этого слѣдуетъ, что нѣтъ совершенно эволюціоннаго перехода отъ религіи и богословія къ философіи, подобно тому какъ въ эмбриональномъ развитіи высшихъ организмовъ сердце не переходитъ въ мозгъ, но развивается параллельно съ мозгомъ. Контъ, слѣдовательно, помѣстивъ богословіе въ своей формулѣ безъ всякаго основанія, благодаря исключительно негативной тенденціи, во имя которой онъ стремился показать, что религія не принимаетъ никакого участія въ развитіи истинной философіи и разъ навсегда должна быть исключена изъ ея предѣловъ.

Та же самая отрицательная тенденція обнаруживается въ воззрѣніяхъ Конта на метафизику. Здѣсь однако эта тенденція еще менѣе умѣстна, потому что метафизическія понятія входятъ въ составъ всякой вообще философіи, не исключая позитивной философіи Конта. Понятіе *природы*, какъ формы бытія, обнимающей собою исключительно физическія явленія, съ извѣстными, точно опредѣленными качествами, далѣе понятія *силы, движенія, пространства, времени, причинности, цѣлесообразности, явленія и сущности матеріи и духа* и т. п., употребляются Контомъ или въ значеніи положительномъ, или какъ предметы отрицанія,—а все это общія метафизическія понятія, касающіяся существующаго, т. -е. бытія. вмѣсто того, чтобы подвергнуть критическому разбору значеніе приведенныхъ метафизическихъ понятій въ постепенномъ развитіи философіи, вмѣсто точна-